

ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ
УЭЛЛС

ВОЙНА МИРОВ

МАШИНА ВРЕМЕНИ

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

ОСТРОВ ДОКТОРА МОРО

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
У98

Серия «Классика мировой фантастики»

Вступительная статья *Филиппа Бастиана*
Переводы *Михаила Зенкевича, Ирины Домбовари,*
Ксении Морозовой, Давида Вейса

Иллюстрация на обложку *Игоря Савченко*

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Уэллс, Герберт Джордж
У00 Война миров. Машина времени. Человек-невидимка.
Остров доктора Моро / Герберт Джордж Уэллс.— Мос-
ква: Издательство АСТ, 2019.— 573, [1] с.—(Классика ми-
ровой фантастики).

ISBN 978-5-17-111909-6

Герберт Джордж Уэллс считается отцом современной научной фантастики. В «Войне миров» он описал инопланетное вторжение и использование отравляющих газов и лазерного оружия, в «Машине времени» — путешествие в другие эпохи, в «Острове доктора Моро» — создание живых существ. Благодаря ему появились такие понятия как параллельные миры («Люди как боги») и антигравитация («Первые люди на Луне»). Многие идеи Уэллса оказались пророческими — он предсказал создание атомной бомбы. Но самого Уэллса прежде всего интересовали проблемы общества. Одним из его убеждений, неизменно выражаемых во всем его творчестве, было стремление к социальной справедливости и неприятие насилия.

© Ф. Бастиан, вступ. ст., 2019
© М. Зенкевич, наследники, 2019
© И. Домбовари, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОТЕЦ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Английского писателя Герберта Джорджа Уэллса обычно называют отцом научной фантастики, хотя в своем творчестве он коснулся многих жанров: истории, философии, политики, реалистической прозы и даже образовательной литературы.

Автор «Войны миров» и «Машины времени» родился 21 сентября 1866 года в Бромли (графство Кент, Англия) в семье бывшего садовника и бывшей горничной, которые теперь владели небольшой лавкой фарфоровых изделий. Впрочем, торговля практически не приносила дохода, и семья жила в основном на побочный заработок отца – тот был профессиональным игроком в крикет. Во многом из-за нужды отношения в семье не ладились, и в конце концов родители будущего писателя расстались.

В восемь лет Уэллсу, по его же словам, «посчастливилось» сломать ногу, и именно тогда он пристрастился к чтению. В том же возрасте его отдали в «Коммерческую академию Томаса Морлея», где обучали торговле мануфактурой, но через пять лет отец сломал бедро, с крикетом было покончено, и Уэллсу пришлось перейти от теории к

практике — бросить школу и устроиться учеником к торговцу. Позже этот опыт отразился в его романе «Киппс», о сироте Арти Киппсе, который после получения наследства и образования все-таки пробился в высшие слои общества, и в романе «Колеса фортуны», в котором главный герой — продавец тканей.

В последующие годы юный Уэллс то поступал в различные учебные заведения, то бросал учебу, в основном из-за невозможности ее оплатить, и устраивался на работу. В 1883-м году ему удалось попасть в Королевский научный колледж, где, проявив интерес к точным наукам, он изучал биологию. Закончив колледж в 1888 году и поработав помощником у известного биолога Томаса Хаксли, в 1890-м Уэллс стал бакалавром зоологии. В 1889—1890 годы он работал учителем в частной школе «Хенли-Хаус», и одним из его учеников был Александр Милн, будущий создатель Винни-Пуха. Первой опубликованной научной работой Уэллса был двухтомный учебник по биологии (1893). В 1942 году он получил степень доктора биологии.

В 1892 году Уэллс занялся профессиональной журналистикой. Он зарабатывал тем, что писал короткие юмористические рассказы в такие издания как «Пэлл-Мэлл Газетт», позже они вошли в два сборника.

Первым популярным произведением Уэллса стал роман «Машина времени», вышедший в 1895 году, в котором главный герой отправляется в далекое будущее. В нем автор еще за 10 лет до Эйнштейна и Минковского определил нашу реальность как четырехмерное пространство (пространство-время). Вообще, Уэллс оказался родоначальником многих идей. В «Войне миров» (1898), в котором описывается вторжение марсиан на Землю с целью истребить человечество, он предсказал использование отравляющих газов и лазерного оружия, в «Острове доктора Моро» — искусственно созданные живые существа, в «Войне в воздухе» — мировую войну,

воздушные бои и бомбардировки городов. В романе «Мир освобожденный» (1914) Уэллс предсказал Вторую мировую войну, развязанную в 1940-е годы, и создание «атомной бомбы» (именно так и названной), сбрасываемой с самолета, чья разрушительная сила основана на расщеплении атома. Благодаря Уэллсу появились такие понятия как параллельные миры («Люди как боги»), антигравитация («Первые люди на Луне»), невидимость («Человек-невидимка»).

Но все эти научно-фантастические идеи, которые и создали Уэллсу реноме основателя научной фантастики, он использовал лишь как технические приемы. Писателя прежде всего его интересовали социальные проблемы. Так, в «Машине времени» он показал, как классовые противоречия привели общество к деградации, в «Человеке-невидимке» и «Острове доктора Моро» поставил этическую проблему научных экспериментов.

Практически все произведения Уэллса пронизаны антивоенной тематикой. В предисловии к переизданию «Войны в воздухе» в 1941 году, когда Британия подвергалась массированным немецким бомбардировкам, писатель сказал, что его эпитафией должна стать фраза «Я вас предупреждал. Проклятые вы дураки. (I told you so. You damned fools)». В последних своих произведениях Уэллс вовсе отошел от фантастики. Впрочем, его более реалистические романы не пользовались такой популярностью.

За полвека своей творческой деятельности Уэллс написал около сорока романов и несколько томов рассказов, более десятка полемических сочинений по философской проблематике и примерно столько же работ о перестройке общества, две всемирные истории, около тридцати томов с политическими и социальными прогнозами, более тридцати брошюр на темы о Фабианском обществе, вооружении, национализме, всеобщем мире и на другие темы, три книги для детей и автобиографию.

Будучи социалистом и пацифистом, он вел активную политическую жизнь: выставлял свою кандидатуру на выборы от Лейбористской партии, призывал к созданию мирового правительства, три раза посещал Советскую Россию. Одним из его убеждений, неизменно выражаемых во всем его творчестве, было стремление к социальной справедливости и неприятие насилия. Он умер 13 августа 1946 года.

ВОЙНА МИРОВ

*Моему брату Фрэнку Уэллсу,
который подал мне мысль написать эту книгу*

Но кто живет в этих мирах, если они обитаемы?.. Мы
или они — Владыки Мира? Разве все предназначено для
человека?

*Кеплер (Приведено у Бертона в «Анатомии мелан-
холии»)*

Книга первая

ПРИБЫТИЕ МАРСИАН

Глава I

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Никто не поверил бы в последние годы девятнадцатого столетия, что за всем происходящим на Земле зорко и внимательно следят существа более развитые, чем человек, хотя такие же смертные, как и он; что в то время, как люди занимались своими делами, их исследовали и изучали, может быть, так же тщательно, как человек в микроскоп изучает эфемерных тварей, кишящих и размножающихся в капле воды. С бесконечным самодовольством сновали люди по всему земному шару, занятые своими делишками, уверенные в своей власти над материей. Возможно, что инфузория под микроскопом ведет себя так же. Никому не приходило в голову, что более старые миры Вселенной — источник опасности для человеческого рода; самая мысль о какой-либо жизни на них казалась недопустимой и невероятной. Забавно вспомнить некоторые общепринятые в те дни взгляды. Самое большее, допускалось, что на Марсе живут другие люди, вероятно, менее развитые, чем мы, но, во всяком случае, готовые дружески встретить нас как гостей, несущих им просвещение. А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько,

насколько мы превосходим вымерших животных, и медленно, но верно вырабатывали свои враждебные нам планы. На заре двадцатого века наши иллюзии были разрушены.

Планета Марс — едва ли нужно напоминать об этом читателю — вращается вокруг Солнца в среднем на расстоянии 140 миллионов миль и получает от него вдвое меньше тепла и света, чем наш мир. Если верна гипотеза о туманностях, то Марс старше Земли; жизнь на его поверхности должна была возникнуть задолго до того, как Земля перестала быть расплавленной. Масса его в семь раз меньше земной, поэтому он должен был значительно скорее охладиться до температуры, при которой могла начаться жизнь. На Марсе есть воздух, вода и все необходимое для поддержания жизни.

Но человек так тщеславен и так ослеплен своим тщеславием, что никто из писателей до самого конца девятнадцатого века не высказывал мысли о том, что на этой планете могут обитать разумные существа, вероятно, даже опередившие в своем развитии людей. Также никто не подумал о том, что так как Марс старше Земли, обладает поверхностью, равной четвертой части земной, и дальше отстоит от Солнца, то, следовательно, и жизнь на нем не только началась гораздо раньше, но уже близится к концу.

Неизбежное охлаждение, которому когда-нибудь подвергнется и наша планета, у нашего соседа, без сомнения, произошло уже давно. Хотя мы почти ничего не знаем об условиях жизни на Марсе, нам все же известно, что даже в его экваториальном поясе средняя дневная температура не выше, чем у нас в самую холодную зиму. Его атмосфера гораздо более разрежена, чем земная, а океаны уменьшились и покрывают только треть его поверхности; вследствие медленного круговорота времен года около его полюсов скопляются огромные массы льда и затем, оттаивая, периодически затопляют его умеренные пояса. Последняя стадия истощения планеты, для нас еще бесконечно далекая, стала злободневной проблемой для обитателей Марса. Под давлением неотложной необхо-

димости их ум работал более напряженно, их техника росла, сердца ожесточались. И, глядя в мировое пространство, вооруженные такими инструментами и знаниями, о которых мы только можем мечтать, они видели невдалеке от себя, на расстоянии каких-нибудь 35 миллионов миль по направлению к Солнцу, утреннюю звезду надежды — нашу теплую планету, зеленую от растительности и серую от воды, с туманной атмосферой, красноречиво свидетельствующей о плодородии, с мерцающими сквозь облачную завесу широкими просторами населенных материков и тесными, заполненными флотилиями судов, морями.

Мы, люди, существа, населяющие Землю, должны были казаться им такими же чуждыми и примитивными, как нам — обезьяны и лемуры. Разумом человек признает, что жизнь — это непрерывная борьба за существование, и на Марсе, очевидно, думают так же. Их мир начал уже охлаждаться, а на Земле все еще кипит жизнь, но это жизнь каких-то низших тварей. Завоевать новый мир, ближе к Солнцу, — вот их единственное спасение от неуклонно надвигающейся гибели.

Прежде чем судить их слишком строго, мы должны припомнить, как беспощадно уничтожали сами люди не только животных, таких, как вымершие бизон и птица додо, но и себе подобных представителей низших рас. Жители Тасмании, например, были уничтожены до последнего за пятьдесят лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы. Разве мы сами уж такие поборники милосердия, что можем возмущаться марсианами, действовавшими в том же духе?

Марсиане, очевидно, рассчитали свой спуск с удивительной точностью — их математические познания, судя по всему, значительно превосходят наши — и выполнили свои приготовления изумительно согласованно. Если бы наши приборы были более совершенны, то мы могли бы заметить надвигающуюся грозу еще задолго до конца девятнадцатого столетия. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали красную планету — любопытно, между прочим, что в течение долгих веков

Марс считался звездой войны, — но им не удавалось выяснить причину периодического появления на ней пятен, которые они умели так хорошо заносить на карты. А все эти годы марсиане, очевидно, вели свои приготовления.

Во время противостояния, в 1894 году, на освещенной части планеты был виден сильный свет, замеченный сначала обсерваторией в Ликке, затем Перротеном в Ницце и другими наблюдателями. Английские читатели впервые узнали об этом из журнала «Нэйчер» от 2 августа. Я склонен думать, что это явление означало отливку в глубокой шахте гигантской пушки, из которой марсиане потом обстреливали Землю. Странные явления, до сих пор, впрочем, не объясненные, наблюдались вблизи места вспышки во время двух последующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет назад. Когда Марс приблизился к противостоянию, Лавелль с Явы сообщил астрономам по телеграфу о колоссальном взрыве раскаленного газа на планете. Это случилось двенадцатого августа около полуночи; спектроскоп, к помощи которого он тут же прибег, обнаружил массу горящих газов, главным образом водорода, двигавшуюся к Земле с ужасающей быстротой. Этот поток огня перестал быть видимым около четверти первого. Лавелль сравнил его с колоссальной вспышкой пламени, внезапно вырвавшегося из планеты, «как снаряд из орудия».

Сравнение оказалось очень точным. Однако в газетах на следующий день не появилось никакого сообщения об этом, если не считать небольшой заметки в «Дейли телеграф», и мир пребывал в неведении самой серьезной из всех опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Вероятно, и я ничего бы не узнал об извержении, если бы не встретился в Оттершоу с известным астрономом Оджилви. Он был до крайности взволнован сообщением и пригласил меня этой ночью принять участие в наблюдениях за красной планетой.

Несмотря на все последовавшие бурные события, я очень ясно помню наше ночное бдение: черная, безмолвная обсер-

ватория, завешенный фонарь в углу, бросающий слабый свет на пол, мерное тиканье часового механизма в телескопе, небольшое продольное отверстие в потолке, откуда зияла бездна, усеянная звездной пылью. Почти невидимый Оджилви бесшумно двигался около прибора. В телескоп виден был темно-синий круг и плававшая в нем маленькая круглая планета. Она казалась такой крохотной, блестящей, с едва заметными поперечными полосами, со слегка неправильной окружностью. Она была так мала, с булавочную головку, и лучилась теплым серебристым светом. Она словно дрожала, но на самом деле это вибрировал телескоп под действием часового механизма, державшего планету в поле зрения.

Во время наблюдения звездочка то уменьшалась, то увеличивалась, то приближалась, то удалялась, но так казалось просто от усталости глаза. Нас отделяли от нее 40 миллионов миль — больше 40 миллионов миль пустоты. Немногие могут представить себе всю необъятность той бездны, в которой плавают пылинки материальной Вселенной.

Вблизи планеты, я помню, виднелись три маленькие светящиеся точки, три телескопические звезды, бесконечно удаленные, а вокруг — неизмеримый мрак пустого пространства. Вы знаете, как выглядит эта бездна в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. И невидимо для меня, вследствие удаленности и малой величины, неуклонно и быстро стремясь ко мне через все это невероятное пространство, с каждой минутой приближаясь на многие тысячи миль, неслось то, что марсиане послали к нам, то, что должно было принести борьбу, бедствия и гибель на Землю. Я и не подозревал об этом, наблюдая планету; никто на Земле не подозревал об этом метко пущенном метательном снаряде.

В эту ночь снова наблюдался взрыв на Марсе. Я сам видел его. Появился красноватый блеск и чуть заметное вздутие на краю в то самое мгновение, когда хронометр показывал полночь. Я сообщил об этом Оджилви, и он сменил меня. Ночь была жаркая, и мне захотелось пить; ощупью, неловко ступая в

темноте, я двинулся к столику, где стоял сифон, как вдруг Оджилви вскрикнул, увидев несшийся к нам огненный поток газа.

В эту ночь новый невидимый снаряд был выпущен с Марса на Землю — ровно через сутки после первого, с точностью до одной секунды. Помню, как я сидел на столе в темноте; красные и зеленые пятна плыли у меня перед глазами. Я искал огня, чтобы закурить. Я совсем не придавал значения этой мгновенной вспышке и не задумывался над тем, что она должна повлечь за собой. Оджилви делал наблюдения до часу ночи; в час он окончил работу; мы зажгли фонарь и отправились к нему домой. Погруженные во мрак, лежали Оттершоу и Чертси, где мирно спали сотни жителей.

Оджилви в эту ночь высказывал разные предположения относительно условий жизни на Марсе и высмеивал вульгарную гипотезу о том, что его обитатели подают нам сигналы. Он полагал, что на планету посыпался целый град метеоритов или что там происходит громадное вулканическое извержение. Он доказывал мне, как маловероятно, чтобы эволюция организмов проходила одинаково на двух, пусть даже и близких, планетах.

— Один шанс против миллиона за то, что Марс обитаем, — сказал он.

Сотни наблюдателей видели пламя каждую полночь, в эту и последующие десять ночей — по одной вспышке. Почему взрывы прекратились после десятой ночи, этого никто не пытался объяснить. Может быть, газ от выстрелов причинял какие-нибудь неудобства марсианам. Густые клубы дыма или пыли, замеченные в самый сильный земной телескоп, в виде маленьких серых, переливчатых пятен мелькали в чистой атмосфере планеты и затемняли ее знакомые очертания.

Наконец даже газеты заговорили об этих явлениях, там и сям стали появляться популярные заметки относительно вулканов на Марсе. Помнится, юмористический журнал «Панч» очень остроумно воспользовался этим для политической карикатуры. А между тем незримые марсианские снаряды

летели к Земле через бездну пустого пространства со скоростью нескольких миль в секунду, приближаясь с каждым часом, с каждым днем. Мне кажется теперь диким, как это люди могли заниматься своими мелкими делишками, когда над ними уже нависла гибель. Я помню, как радовался Маркхем, получив новый фотографический снимок планеты для иллюстрированного журнала, который он тогда редактировал. Люди нынешнего, более позднего времени с трудом представляют себе обилие и предприимчивость журналов в девятнадцатом веке. Я же в то время с большим рвением учился ездить на велосипеде и читал груду журналов, обсуждавших дальнейшее развитие нравственности в связи с прогрессом цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд находился тогда за 10 миллионов миль от нас) я вышел прогуляться вместе с женой. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки Зодиака и указал на Марс, на яркую точку света около зенита, куда было направлено столько телескопов. Вечер был теплый. Компания экскурсантов из Чертси или Айлворта, возвращаясь домой, прошла мимо нас с пением и музыкой. В верхних окнах домов светились огни, люди ложились спать. Издалека, с железнодорожной станции, доносился грохот маневрировавших поездов, смягченный расстоянием и звучащий почти мелодично. Жена обратила мое внимание на красные, зеленые и желтые сигнальные огни, горевшие на фоне ночного неба. Все казалось таким спокойным и безмятежным.

Глава II

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Затем наступила ночь первой падающей звезды. Ее заметили на рассвете; она неслась над Винчестером, к востоку, очень высоко, чертя огненную линию. Сотни людей видели ее

и приняли за обыкновенную падающую звезду. По описанию Элбина, она оставляла за собой зеленоватую полосу, горевшую несколько секунд. Деннинг, наш величайший авторитет по метеоритам, утверждал, что она стала заметна уже на расстоянии девяноста или ста миль. Ему показалось, что она упала на Землю приблизительно за сто миль к востоку от того места, где он находился.

В этот час я был дома и писал в своем кабинете; но хотя мое окно выходило на Оттершоу и штора была поднята (я любил смотреть в ночное небо), я ничего не заметил. Однако этот метеорит, самый необычайный из всех когда-либо падавших на Землю из мирового пространства, должен был упасть, когда я сидел за столом, и я мог бы увидеть его, если бы взглянул на небо. Некоторые, видевшие его полет, говорят, что он летел со свистом, но сам я этого не слышал. Многие жители Беркшира, Суррея и Миддлсекса видели его падение, и почти все подумали, что упал новый метеорит. В эту ночь, кажется, никто не поинтересовался взглянуть на упавшую массу.

Бедняга Оджилви, наблюдавший метеорит и убежденный, что он упал где-нибудь на пустоши между Хорселлом, Оттершоу и Уокингом, поднялся рано утром и отправился его разыскивать. Уже рассвело, когда он нашел метеорит неподалеку от песчаного карьера. Он увидел гигантскую воронку, вырытую упавшим телом, и кучи песка и гравия, громоздившиеся среди вереска и заметные за полторы мили. Вереск загорелся и тлел, прозрачный голубой дымок клубился на фоне утреннего неба.

Упавшее тело зарылось в песок среди разметанных щепок разбитой им при падении сосны. Выступавшая наружу часть имела вид громадного обгоревшего цилиндра; его очертания были скрыты толстым чешуйчатым слоем темного нагара. Цилиндр был около тридцати ярдов в диаметре. Оджилви приблизился к этой массе, пораженный ее объемом и особенно формой, так как обычно метеориты бывают более или менее шарообразны. Однако цилиндр был так сильно раскален от